

А. П. Гайдар

ГАЙДАР (настоящая фамилия Голиков) Аркадий Петрович [9(22).1.1904, г. Львов Курской губ. — 26.10.1941, с. Леплява близ г. Канева, бывшая Украинская ССР; похоронен в Каневе] — прозаик, сценарист, журналист.

Родился в семье учителя и фельдшерицы. Детство провел в г. Арзамасе, где посещал реальное училище; с 13 лет, вслед за родителями, Г. приобщается к работе революционного подполья. В 1918, не достигнув 14 лет, но не по возрасту серьезный и рослый, он поступает добровольцем в Красную Армию, проявляет серьезные способности к военной службе. Уже в 15 лет, окончив Киевские пехотные курсы, Г. командует ротой, после окончания высшей стрелковой школы в Москве в 16 лет становится командиром полка. Назначение было подписано М. Н. Тухачевским. Г. воевал в Гражданскую войну в Воронеже, на Тамбовщине, в Башкирии, в Сибири. В 1919 был ранен, контужен. Несколько раз юного командира пытались послать на учебу в Академию Генерального штаба, но вновь и вновь прорыв на каком-нибудь «революционном фронте» требовал его присутствия. В 1922 был обвинен в крайне жестоком обращении с мирным населением, но эти факты официально подтверждены не были, и суд не состоялся. Г. не был ни разжалован, ни исключен из партии. Когда в 1922 дело, наконец, дошло до медицинской комиссии для поступающих в Академию Генерального штаба,

то оказалось, что Г. не только не может быть допущен к занятиям, но вообще не может находиться на военной службе — в результате контузии развилось тяжелейшее нервное заболевание. 2 года армия пытается «сохранить для себя» Г. — он остается в кадрах, ему дают оплачиваемые отпуска для отдыха и лечения. Но в 1924 не представляющий себе жизни вне армии Г. все же вынужден демобилизоваться. Это было крушением всех его юношеских надежд. В отчаянии Г. пишет «Прощальное письмо Красной Армии» и отправляет его своему любимому полководцу М. В. Фрунзе. Г. повезло — Фрунзе сумел увидеть в «Письме» признаки несомненного лит. дарования и убедить в этом самого Г.

С 1925 начинается творческий путь бывшего солдата революции (повесть **«В дни поражений и побед»** и др.). Первый настоящий успех приходит с рассказом **«Р.В.С.»** (1926) — на сравнительно узком материале, взятом из драматических обстоятельств Гражданской войны, Г. впервые по своему показал процесс становления характера подростков, формирования у очень разных по жизненному опыту мальчишек представлений о чести, долге, товариществе. Этой же проблеме посвящено и первое крупное произведение Г., сделавшее его имя широко известным, — повесть **«Школа»** (1930). К этому времени уже был написан целый ряд приключенческих произведений — **«Жизни во что (Лбовщина)»** (1926, продолжение — **«Лесные братья»**, 1927), **«Всадники неприступных гор»** (1927), **«На графских развалинах»** (1929) и др. Был приобретен и большой опыт работы журналиста — Г. много ездит по стране, его статьи, очерки, фельетоны печатаются в газ. «Звезда» (Пермь, 1926–27), «Уральский рабочий» (Свердловск, 1927), «Волна» (Архангельск, 1929), «Тихоокеанская звезда» (Владивосток, 1931–32) и др.

Перу Г. принадлежит большое количество рассказов: в 1920-е это **«Серезка Чубатов»**, **«Бандитское гнездо»**, **«Гибель четвертой роты»** и др.; в 1930-е — **«Четвертый блиндаж»**, **«Дым в лесу»**, сказка **«Горячий камень»**, для самых маленьких — **«Поход»**, **«Совесть»**, **«Маруся»** и др.

В 1930-е Г. создает самые известные свои произведения — **«Дальние страны»** (1932) — повесть о маленьких ребятах, мечтающих о больших делах необъятной страны, о которых так много пишут в газетах и говорят по радио; **«Военная тайна»** (1935) — романтическая повесть, в которой своеобразно трансформируется и проецируется на совре-

менность жанр сказки (история Мальчиша-Кибальчиша, которую неоднократно издавали, инсценировали, снимали в кино и т. д.). Повесть развивала идеи интернациональной дружбы и братской солидарности народов, борющихся за «светлое царство социализма». «Наш выбор был трагической ошибкой», — скажет уже в наши дни один из самых талантливых мастеров военной прозы В. Быков (Известия. 1991. 26 нояб.). Произведения Г. показывают, почему этот выбор вообще стал возможен, в чем безусловная привлекательность тех идей (не способов их воплощения!), которыми семь десятилетий жил народ, в которые верил и сам Г. Он делал это с удивительным обаянием, щедростью, открытостью своего необыкновенного дарования, благодаря которому глубокий эмоциональный подтекст создавался на основе взаимодействия взволнованного лиризма и бесконечного юмора, а почти ритмизированная, грустная и мудрая, завораживающая, сказовая, интонация, соседствовала с мастерским диалогом, передающим и возрастные особенности ребячьей речи, и признаки времени.

Но с позиций конца XX в. произведения Г. отнюдь не звучат в той бесхитростно и безмятежно мажорной оптимистической тональности, которую до сих пор усматривают в них некоторые читатели и критики. Более того, на протяжении 1930-х в произведениях и зашифрованных дневниковых записях Г. все больше усиливается не замечаемая ранее трагическая тональность — непреходящее чувство тревоги, ощущение неблагоприятия, непрочности жизни, неотвратимо надвигающейся опасности. Вряд ли эти мотивы можно объяснить одним только международным положением 1930-х и предчувствием военных испытаний, хотя большой армейский опыт Г., разумеется, подсказывал ему неизбежность сражений с фашизмом. Но тем не менее «направленное излучение» гайдаровского творчества, конечно же, было намного шире, чем только подготовка «краснозвездной гвардии». Прежде всего, он старался научить своих читателей отличать подлинное добро от зла, в каком бы облике оно не возникало, а честность и мужество — от подлости и предательства. Г. совершенно открыто пытался нравственно закалить ребят, морально подготовить их в преддверии самых различных жизненных испытаний. Это и первая потрясенность необратимостью смерти в «Военной тайне», и распад семьи (такой момент «проигрывается» в исполненном глубокого психологизма рассказе «Голубая чашка», 1936), и даже, наконец, заключение в тюрь-

му самого близкого и любимого человека — повесть «Судьба барабанщика» (1939). Более рискованный для писателя сюжет в это время, кажется, трудно было придумать. Как показывает творческая история повести, в начале Г. писал о том, что отец Сергея был арестован по ложному доносу, но под «давлением обстоятельств» (ср., например, творческую историю «Метели» Л. Леонова и др. произведений той поры) вынужден был изменить фабулу и использовать прием подмены ситуации и демонстративного нарушения логики худож. образа. Такой человек, каким с самого начала был «заявлен» в повести отец «барабанщика», органически не мог стать вором. В итоге ситуация так и осталась больше похожей на «оговор» (донос?..), но не на уголовщину. В контексте творчества Г. присутствует выраженное внутреннее сопротивление, неприятие самой идеи «отказа» от репрессированных близких, которая так настойчиво внедрялась в 1930-е в общественное сознание. На разработку концепции повести (судьба самого Сергея) оказало влияние и то обстоятельство, что в это время (7 апр. 1935) уже было принято постановление правительства о смертной казни за политические и уголовные преступления для детей, начиная с 12-летнего возраста. После появления первых глав «Судьбы барабанщика» в газ. «Пионерская правда» публикация повести была прекращена. Исследователь творчества Г. И. Н. Арзамасцева сообщает, что это послужило сигналом к началу изъятия книг Г. из библиотек и что от ареста Г. спасло только награждение писателя орденом.

По-иному может быть воспринята с точки зрения совр. знания нашей истории даже чудесное путешествие матери с детьми на очень далекий Север (повесть «Чук и Гек», 1939), с которого «почему-то» никак не мог вернуться отец... Крайне редко, но «декабристские» сюжеты в истории наших 1930-х (поездки к ссыльным родственникам) тоже удавались и были для многих затаенной мечтой и надеждой. Не случайно Л. Кассиль привлекал внимание к «нескольким слоям глубины» в произведениях Г. для разных возрастов, в т. ч. и для взрослых (Кассиль Л. Предисл. // Гайдар А. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 12–13). У произведений Г. 1930-х безусловно существует еще совершенно не изученный (см. статью М. Чудаковой «Сквозь тернии к звездам» // Новый мир. 1990. № 4), очень объемный социальный и психологический подтекст, эмоциональная атмосфера, далеко выходящая за рамки тех прочтений, которые существовали в отношении к творчеству Г.

на протяжении полувека. Этот подтекст не в последнюю очередь определил подлинно гуманистический пафос «тимуровского цикла»: киносценарий и повесть **«Тимур и его команда»** (1940), а также значительно менее удачные киноповесть **«Командант снежной крепости»** (1940) и сделанный совсем уже наспех, в преддверии отъезда на фронт, киносценарий **«Клятва Тимура»** (1941). Цикл, созданный на рубеже 1930–40-х, когда очень многие «краснозвездные» семьи осиротели (и по причинам военных событий — Дальний Восток, Финляндия, и по причинам политических репрессий), внутренне, по «сверхзадаче», был направлен на воспитание в детях, подростках простой действительной доброты и, наконец, элементарной жалости к людям, попавшим в беду (Тимур о Жене: «Дочь командира в беде, дочь командира нечаянно попала в засаду!» Ср. многозначный образ «засады» и в «Судьбе барабанщика»), той самой жалости, которая, казалось, была бесповоротно забыта в концепции «пролетарского гуманизма». Необыкновенная эмоциональность и живость языка, сочетание в сюжете бытовой, будничной реальности, житейской прозы и романтической игры привлекли внимание ребят к «Тимуру», вызвали целое общественное движение — детское, сыгравшее особенно большую роль в годы Великой Отечественной войны. И понадобились многолетние усилия бюрократического аппарата, чтобы, поставив деятельность тимуровских команд «на поток» (были введены правила назначения «Тимуром» и даже «Женей» и т. п.), до предела заформализовав «мероприятие» (как, например, и праздник Алых парусов, органически несовместимый с поэтикой А. Грина, и др.), вызвать наконец у ребят устойчивое отчуждение. Этого Г., к счастью, уже не увидел.

В первые дни войны Г. уезжает на фронт в качестве военного корреспондента «Комсомольской правды», успевает напечатать ряд очерков — **«Мост»**, **«У переправы»**, **«Война и дети»** и др., вошедших в героическую летопись военных событий. Попав в окружение, он остается бойцом в партизанском отряде. На неоднократно получаемые предложения эвакуироваться каждый раз отвечает категорическим отказом. Г. погиб, вызвав огонь на себя и спасая товарищей. Ряд произведений его остался незаконченным: повести **«Бумбараш»** и **«Синие звезды»**, вторая часть **«Школы»** и др.

Б. Камов назвал свой очерк о «Деле № 274...», заведенном в свое время в результате доноса на Г., «Искушение». Своей

подвижнической смертью Г., по его мнению, словно искупал вину перед своими жертвами времен Гражданской войны: в жестокости войн, особенно гражданских, действительно оказывались замешанными все, даже самые лучшие. Кто-то относился к этому спокойно, Г. же всю жизнь мучили кошмары, в дневнике есть записи: «Снились люди, убитые мною в детстве...», «Мучает меня совесть, а о чем — точно не знаю...»

Г. похоронен вблизи от места его гибели, на высоком берегу Днепра. Могила (невысокая гранитная стела с небольшим бюстом) находится в роще недалеко от грандиозного монумента великому украинскому поэту Т. Г. Шевченко.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1979–82; Лесные братья: Ранние приключенческие повести. М., 1977; СС: в 3 т. М., 1986.

Лит.: Жизнь и творчество Гайдара: сб. 3-е изд. М., 1964; Котов М., Ляковский В. Всадник, скачущий впереди. М., 1967; Камов Б. Обыкновенная биография. М., 1971. (ЖЗЛ); Осыков Б. Аркадий Гайдар: лит. хроника. Воронеж, 1975; Жизнь и творчество Аркадия Гайдара: материалы для выставки. М., 1984; Гайдар Т. Аркадий Голиков из Арзамаса: Документы. Воспоминания. Размышления. М., 1988; Лебедева Т. В. Гайдар-публицист. Воронеж, 1988; Кассиль Л. Чудо Гайдара // Гайдар А. СС: в 5 т. М., 1988. Т. 1; Парфенов А. Аркадий Гайдар и легенда о Тимуре // Лит. учеба. 1988. № 1; Камов Б. Рывок в неведомое. М., 1991; Арзамасцева И. Н. О Гайдаре, оставленном позади // Детская лит-ра. 1977. № 1; Чудакова М. Сквозь тернии к звездам // Новый мир. 1990. № 4.

К. Ф. Бикбулатова

ГАЛАКТИОНОВА Вера Григорьевна [18.9.1948, г. Сызрань Куйбышевской обл.] — прозаик, публицист.

Родилась в семье, принадлежавшей к технической интеллигенции, но росла и воспитывалась у бабушки-крестьянки. Среднюю школу окончила в рабочем поселке Павловке Ульяновской обл. Училась на историческом ф-те Уральского педагогического ин-та им. А. С. Пушкина, работала журналистом в газетах Казахстана и России. С 1979 по 1984 сотрудничала на Уральской студии телевидения. В 1980 поступила на заочное отделение Лит. ин-та им. А. М. Горького в семинар прозы Василия Рослякова. Окончила ин-т в 1986.

Лит. дебютом писательницы стал рассказ **«Приезд»**, напечатанный в русско-болгарском ж. **«Дружба»** (М.; София, 1985). Первая книга Г. — **«Шаги»**, изданная алма-атинским изд-вом **«Жалын»** (1985). В ней автор напряженно и эмоционально размышляет о судь-